

ДРУЖИНА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Статья посвящена определению понятия «дружина», бытовавшего главным образом в киевский период русской истории. На основе широкого круга источников автор предлагает свое видение решения данной проблемы. В данной работе дружина рассматривается прежде всего как основная форма организации социального ядра древнерусской цивилизации.

Ключевые слова: Древняя Русь, дружина, князь, бояре, отроки, детские, нарочитые мужи, община, вервь.

Понятие «дружина» в современной русской историографии споров не вызывает. Между тем тот смысл, который в него обычно вкладывается, – личное войско князя – не имеет под собой твердой почвы. Представления о древнерусской дружине держатся в основном на стереотипах, никогда не доказываются и сомнению не подвергаются даже в тех случаях, когда в источниках имеется в виду явно нечто совсем иное, нежели княжеское войско. Более того, исследователи усматривают глубокие корни у такой дружины. В.В. Седов, например, считает возможным говорить о существовании княжеской дружины уже в VI–VIII веках [1, с. 246–247; 255–256]. Б.А. Рыбаков и М.Б. Свердлов – VI–VII веках. К подобным выводам приходят И.Я. Фроянов и А.А. Горский [2, с. 19]. Однако никаких данных о славянских дружинах столь давнего времени не существует. Признавая этот факт, исследователи обращаются к сведениям Цезаря и Тацита о дружине германской, при этом ничем не оправдывая такой шаг. «Искать определение дружины особо на русской почве, – писал в начале XX века А.Е. Пресняков, – нет оснований: это явление общеевропейское» [3, с. 186]. На чем основано это убеждение, он не уточнил. И.Н. Данилевский в начале XXI столетия пишет уже не так однозначно: «О происхождении дружины можно лишь догадываться, основываясь на косвенных данных и аналогиях. Обычно, когда речь заходит о подобных вопросах, привлекают ранние свидетельства о дружинах древних германцев, оставленные нам римскими авторами» [4, с. 102]. К описанию славянской дружины Данилевский переходит так: «Видимо, близкие характеристики имела и восточнославянская дружина. Однако такой вывод мы можем сделать лишь по аналогии. А аналогии, как известно, дело довольно опасное» [4, с. 104]. Действитель-

но, опасное. Сомнения в тождестве древнерусской и германской дружины возникают уже после того, как мы сравним происхождение слов, определяющих это явление. Северогерманская дружина называлась *huskarlar* или *hiredhmen*, что значит «люди дома», (от слова *hiredh*, *hirdh* – «дом», «семейная община»), вестготская и вандальская – *gardingi* (*gards* – дом), англосаксонская – *thegn* (*degen* – слуга, отрок.) [3, с. 187]. Славянское слово «друг», от которого происходит «дружина», указывает на побратимство – акт дружелюбия и взаимной верности – а не найм или службу. «Друг – тот же близкий, – пишет В.В. Колесов, – но не по крови и не по свойству. Друзей объединяет нечто более важное: друзья – это соратники и спутники, которые в бою и в пути всегда вместе» [5, с. 53]. Русское слово «дружина» обозначает сообщество равных [5, с. 62]. Его изначальное значение – «община», «воинское братство», а не «вольные слуги», «челядь» или «домочадцы», как у немцев.

Русскую и германскую дружины отличает и порядок «развода», происходивший после разрыва между вождем и воином. Согласно вестготскому законодательству «дружинник» (*buccellarius*, *sagio*), как человек свободный, мог перейти от одного господина к другому, но при этом он должен был вернуть не только оружие и все, что получил от прежнего господина, но и половину того, что приобрел на его службе [3, с. 188]. Такие же порядки царили у англосаксов и лангобардов [1, с. 230–232]. На Руси ничего подобного не было. Древнерусские бояре расставались с князьями на иных условиях. В Ипатьевской летописи под 1118 годом говорится: «*Выбеже Ярославъ Святополчиць из Володимера Оугры. и бояре его. и отступиша от него*» [6, стб. 285]. Под 1146 годом: «*...побеже Святославъ из Новагорода Корачеву дружина же его они по-*

нем идоша. а дружиши осташа его» [6, стб. 334]. Оба сообщения рисуют ситуацию, когда князья покидают город, а дружина их остается. При этом, судя по контексту, свою землю бояре-дружинники не теряют, не отдают князю оружие и, тем более, половину того, что приобрели в его княжение. Наоборот, есть данные, согласно которым бояре, уходившие вместе с князем из города, лишались своего имущества и сел. Именно на это указывал дружине, ушедшей с ним из Киева, Изяслав Мстиславич: «...вы есте по мне из Рускы земли вышли своихъ сель и своихъ жилищи лишился» [6, стб. 409].

Летописи и другие письменные источники пестрят сообщениями о дружине, начиная с X века. В большинстве случаев они не позволяют понять, что именно имеется в виду. Если, конечно, к ним относиться не предвзято и не надеяться их привычным для нашего восприятия смыслом, как говорится, по умолчанию. Так, например, в посмертном панегирике князю Мстиславу Владимировичу, приведенном в летописи под 1036 годом, говорится, что князь «любяше дружину по велику именья не щадяше» [7, стб. 150. См. подобные случаи: Там же, стб. 146, 157, 171, 173, 181, 201, 358-361, 375 и др.]. Что здесь подразумевается под «дружиной», строго говоря, не ясно. Нередко по контексту можно понять, что речь идет о войске (обычно в том случае, когда рассказ посвящен какому-либо военному походу), но определить, о каком именно войске – городском или лично княжеском, – как правило, невозможно [7, стб. 67, 69, 71, 73, 109, 142 и др.]. В редких случаях, когда это все-таки можно сделать, выясняется, что дружиной называется городское войско, а не княжеское. «Под 1186 годом, – отмечает А.Е. Пресняков, – читаем, как Всеволод Юрьевич послал пронским князьям «Володимерьское дружины 300»: это «дружина Всеволожа», про которую князь говорит: «моя дружина», «мои люди», а князья рязанские – «твои мужи». Но к княжой дружине применено выражение «**владимирская**» (здесь и далее выделено мною. – А.П.). Личная ли это или местная его дружина? Личная, ввиду дружинной ее связи с князем, но местная, так как она стала Всеволожей лишь потому, что Всеволод сел на владимирском княжении» [3, с. 212]. А.Е. Преснякову это послужило основанием для вывода о постепенном оседании дружины по городам: «Князья начинают говорить о

городовых полках как о «своих» полках, а дружиной называть отряды, составленные из местного населения, не отождествляя их со своею личною дружиною-двором» [3, с. 213].

Дружина и бояре в XII веке и в самом деле сплошь и рядом называются по городам, которые они представляют: киевские (русские), владимирские, белозерские, новгородские, черниговские, новгород-северские и т. п. Вот сообщение Ипатьевской летописи под 1147 годом: «**Изяславъ же бояры своя. и всю дружину свою Кияне и ре имъ се есмь съ братею своею сгадалъ**» [6, стб. 343–344]. Под 1148 годом кияне называются «**дружиной русской**» и «**русскими силами**» [6, стб. 370, 372]. В 1152 году Изяслав собирает «**всю свою дружину и поиде поима съ собою Вячьславль полкъ всь и вси Чернии Клобуки и Кияны лутшии и всю Рускую дружину**» [6, стб. 446].

Но если быть точным, так называемое оседание дружины по городам, следовало бы отнести к более раннему времени, как минимум началу XI века. В Повести временных лет под 1015 годом рассказывается о том, как Ярослав Мудрый «**седе въ дворе и пославъ к Новьгородъ-цельмъ ...и позва к собе нарочитая мужа. иже бяху исьсекли Варяги... и сече их**» [6, стб. 128], а затем, когда узнал о смерти отца, «**собравъ избытокъ Новгородцевъ. и речъ... «о любимая дружино юже избихъ вчера а ныне быша надобе... и речъ имъ на вече...»**» [6, стб. 128]. Совершенно очевидно, что любимой дружиной князь называет здесь новгородцев, которых собрал на вече.

К этому времени относится и еще одно любопытное сообщение летописи. Когда о смерти Владимира Святославича узнал Борис, отправленный с киевским войском навстречу печенегам, воины, которые были вместе с ним, заявили: «**се дружина оу тебе отня и вои. поиди сяди в Кыеве на столе отне**» [6, стб. 118]. Он же не захотел, и дружина ушла от него в Киев. В результате Борис остался со своими отроками – военными холопами и погиб. В самом деле, Борис не хотел поднять руку на своего старшего брата, как об этом пишет христолюбивый книжник, или еще по каким-то причинам он не сошелся с «отней дружиной», только это решающим образом сказалось на его судьбе. И, заметьте, «отня дружина» состоит в данном сообщении из **киевлян** – братьев тех, кого одаривал Святополк в то же самое время: «**Святополкъ же седе Кыеве**

по отци своемъ и съзва Кыяны нача даяти имъ имень... и не бе сердце ихъ с нимъ яко братья ихъ беша с Борисомъ» [7, стб. 132].

Летописный текст, рассказывающий о Владимировых пирах, почти современных событиям 1015 года, так же рисует дружину скорее городскую, нежели княжескую. Здесь князь собирает бояр и мужей по городам, они приходят на пир к нему во двор независимо от того, дома князь или нет. Владимир называет их своей дружиной, он, как и Ярослав в Новгороде, любит ее, с ней думает об уставе Земляном и о ратях, с ней надеется добыть золота и серебра [6, стб. 111]. Различий между Владимировой дружиной и новгородской, с которой совещался Ярослав, практически никаких, разве что бояре, мужи, сотские и десятские не называются здесь киянами. Хотя имеются в виду именно они.

Если учесть, что настоящие города на Руси появляются только в X веке и тогда же впервые обнаруживаются другие признаки цивилизации – монументальные сооружения, письменность, производство предметов роскоши [8, с. 73–76] – можно сделать вывод, что в действительности бояре и «прочие мужи» вовсе не оседают по городам, а изначально составляют **городскую дружину**.

Ряд источников свидетельствует, что под словом «дружина» на Руси могли понимать не только войско. Для игумена Даниила дружина – это товарищи, которых он приобрел, путешествуя по чужим землям: «*Обретохомъ дружину многу, – пишет игумен в своем «Хождении», – идущо въ святыи градъ Иерусалимъ, и пристахомъ къ дружине той»* [5, с. 63]. В дальнейшем он называет ее «русской дружиной». У новгородца Миши, согласно «Житию Александра Невского», тоже была дружина, под которой нужно понимать его товарищей: «*Съи [Миша] пещи с дружиною своею натече на корабли и погуби три корабли Римлян»* [9, с. 332]. «Своей дружиной», согласно летописи, древляне обозначили «лучших мужей», отправленных в Киев к Ольге [7, стб. 57].

Русская Правда в статье №5 Пространной редакции отождествляет «дружину» и «общину-вервь»: «Будеть ли головник их в **верви**, зан(е) к ним прикладывает, того же деля им помагати головнику, ... а в 40 гривен ему заплатити ис **дружины** свою часть» [10, с. 12]. Есть основания полагать, что вервь теснейшим обра-

зом связана прежде всего с общиной города. Еще В.О. Ключевский отмечал: «В 21-й статье Академического списка Русской Правды читаем, что Изяслав взял с дорогобужцев 80 гривен за убийство его старого конюха. Дорогобуж – небольшой городок в Киевской земле. Значит, под вервью разумеется здесь город... городской мир или община» [11, с. 88]. Статья №3 Русской Правды (Простр. ред.) «об убийстве», предписывая платить штраф верви, в которой «лежит голова», без сомнения, понимает ее как организацию повсеместную, распространенную как в деревнях, так и городах. Если бы вервь была явлением исключительно сельским, как о ней часто думают, пришлось бы признать, что и разбои, и ссоры, и пиры, и тому подобное были только в древнерусских селах. В пользу существования городских вервей говорят данные берестяных грамот. Вот, например, грамота XII века, №115. Часть ее не сохранилась. Читается только следующий текст: «*От Прокось къ Ньстьроу. шьсть гр(ивен) плати, а вире не плати, а дом и...*» [12, с. 39; 13, с. 34]. А.В. Арциховский предлагает такой перевод: «От Прокши к Нестору. Шесть гривен плати, а виры не плати...». «Думаю, – писал Л.В. Черепнин, – что казус, отраженный в грамоте №115, может быть прояснен на основе статей 4 и 5 Простр. ред. Русской Правды, посвященной “дикой вире”» [12, с. 39]. В согласии с законом Нестор и Прокша и еще кто-то делят необходимую к выплате сумму по шесть гривен на каждого, т. е. по 1/6 части от оговоренной в Русской Правде. Следовательно, перед нами вервь, в которой состояли участники переписки, их 6 или 7 домохозяев и все они – новгородцы, т. е. горожане [13, с. 42–43]. «Представленные в этих грамотах [№115 и №118] имена, – отмечает А.А. Зализняк, – Прокша, Дмитр и Жироч... (Жирочка?) – встретились также в целом ряде грамот Людина конца того же или довольно близкого времени: Прокша – в №664 и 713, Дмитр – в №735, 776, 839, 846, Жирочка – в №851. Совпадение имен и сходство тематики грамот дает некоторые основания предполагать, что мы имеем здесь дело с одними и теми же лицами и что письма №115 и 118 пришли в Неревский конец из Людина конца» [14, с. 427].

Если все это так, не вызывает особых затруднений и толкование еще одной фразы, содержащейся в Русской Правде: «*О заднице боярьстеи и о дружънеи. Аже в боярех любо в*

дружине, то за князя задница не идет...» (Ст. 91. Пр. р.) А.Е. Пресняков предполагал, что речь идет об отмене порядка, прежде бывшего обычным: наследство дружинников шло князю при отсутствии сыновей [3, с. 454–455]. С ним полностью солидарен и советский историк Б.Д. Греков, он пишет: «Нет никаких сомнений, в том, что был период в истории дружины, когда она находилась на княжеском иждивении, пользовалась и его землей на праве бенефиция, т. е. пожизненно. Совершенно понятно, что при этих условиях не могло быть и речи о праве наследования дружинника» [15, с. 343]. Перед нами еще один пример, когда факты, взятые из европейской истории, без каких-либо обоснований переносятся на русскую почву. Неправильная установка приводит к неверному толкованию. Значение двух статей Русской Правды – 90-й и 91-й – можно понимать и так: наследство смерда, который не входил в городскую общину, в случае отсутствия наследников по мужской линии идет князю, а наследство бояр и других членов общины – нет. Обязанностью князя было хранить то, что принадлежит всем вместе – это имущество смердов и сами смерды. Но то, чем владели члены городской общины (дружины) – их исключительное право, и пока было кому передавать накопленное имущество, князь не должен был вмешиваться в порядок наследования. Вся дальнейшая история наследственного права, в том числе относительно свободной женщины, наглядно подтверждает данную мысль.

В переписке новгородцев понятие «дружина» не раз встречается как объединение горожан – часть большой общины Новгорода. Найденная в 90-е годы XX века берестяная грамота №724 показывает, что выражение «братья и дружина», известное по «Слову о полку Игореве», было принято среди горожан: «*От Савы покланянее къ братьи и дружине...*» [16, с. 397]. В.Л. Янин замечает: «Уже из первой строки нашей грамоты стало ясно, что это была не литературная, а реальная формула» [16, с. 397]. Часть городской общины подразумевается и в грамоте №109 (кон. XI – нач. XII века): «*Грамота отъ Жизномира къ Микоуле. Коутиль еси робоу Пльскове. А ныне мя въ томъ яла кънягыни. А ныне ся дружина по мя пороучила...*» [16, с. 180].

Некоторые письма древних новгородцев позволяют уточнить наши представления о дружине. В берестяной грамоте №850, найден-

ной в 1998 году, говорится: «*Покланянье отъ Бъръза и отъ Поутеши и отъ въхое дружинне къ Петръкоу Се еси въдале землю н[а](мъ) ... и Святопъ(ль)къ а ныне п...*» [17, с. 13]. Текст послания в высшей степени любопытен. Грамота рисует дружину Путиши и Борзы не просто как общину, а как объединение землевладельцев, что полностью отвечает понятию «полис».

Итак, «дружина» в древней Руси – в первую очередь «община города» или часть городской общины (коллектив землевладельцев, вервь). Организация производства в Киевской Руси была в руках людей, объединенных целой системой переплетенных между собой родственных, товарищеских и соседских отношений. Произведенный продукт попадал на стол не только к собственнику и непосредственному пользователю земли, но и на «общий пир», дружинную братчину – к членам общины, в которую он входил. В Древней Руси землевладелец, заботясь о производстве, имел в виду интересы общины – верви, улицы, конца, города. Его желание распорядиться своей землей, расстаться с ней в особенности, вызывало живой интерес его дружины: совладельцев, родичей, города [18, с. 84].

Что касается княжеской дружины, скорее всего, это не личное его войско, и вообще не войско. Вопреки устоявшемуся мнению отроки и детские (вольные слуги князя) скорее всего в нее не входили. Источники никогда не называют их дружиной – ни малой, ни какой-либо еще. Как правило, в том контексте, в котором речь идет о дружине, нет отроков, и, наоборот, где говорится об отроках – отсутствует дружина. А.Е. Пресняков, рассматривая состав княжеской дружины, отмечает противоречивость данных по этому вопросу. По его словам, «отроки то объемлются термином «дружина», то противопоставляются дружине» [3, с. 204]. На самом деле источники, на которые он ссылается, позволяют говорить лишь о противоположности этих понятий. В летописном отрывке – об убийстве Глеба Владимировича – между словом «дружина» и выражением «*отроки Глебови оуныша*» [7, стб. 135, 136] стоит большой и разнородный материал, не позволяющий напрямую связывать их друг с другом. После рассказа о том, что Глеб спешно отправился в Киев с малой дружиной (имеется в виду небольшой отряд), сообщается о прибытии отряда в Смоленск, о Ярославле Мудром, который, узнав о смерти отца, посы-

лает эту весть Глебу, о слезах, которые пролил Глеб, получив ее, о молитве Глеба, о прибытии посланников Святополка. И только после этого упоминаются отроки Глеба, которые могли сопровождать князя наряду с малой дружиной, а не в качестве ее самой. Говорить о том, что отроки упомянуты здесь как часть «малой дружины», оснований нет.

В известном рассказе Повести временных лет о мести княгини Ольги, в котором «дружина» и «отроки» задействованы в одной сцене и упоминаются попеременно, связывать их между собой также вряд ли имеет смысл. «Малая дружина» и в данном случае обозначает «небольшой отряд», малую часть всей дружины княгини: «*Ольга же поимши малы дружины легко идущи приде къ гробу его*» [7, стб. 57]. Дружина Ольги – это ее ближайшее окружение, а отроки – слуги. «*...И повеле Ольга отрокомъ своимъ служити пред ними [древлянами], – говорится в летописи, и далее: ...повеле отрокомъ своимъ пити [ити?] на ня а сама отиде кроме и повеле дружине [своей] сечи Деревляне...*» [7, стб. 57]. Дружина и отроки здесь явно не одно и то же. А.Е. Пресняков в этом месте также видит их противопоставление [3, с. 204]. Противоположность отроков и дружины обнаруживается в летописи и под 1149 годом. Изяслав Мстиславич, отсылая Ростислава Юрьевича к отцу в Суздаль, посадил с ним в ладью четырех отроков, «*а дружиною его изоимаша*» [6, стб. 373].

Что касается «детских», в источниках можно обнаружить еще более очевидное разграничение этих двух понятий. Под 1149 годом в Лаврентьевской летописи читаем: «*...И дружина его по нем и изломи копье свое в супротивье своем бежащим же пешим по гробли к городу оулучи и сам по них дружине же не ведуцим его токмо от менших его детьских 2 виде...*» [7, стб. 324]. Дружина, согласно данному сообщению, ничего не

ведала о судьбе князя – его, идущего вслед за пешцами, видели двое детских. Здесь детские – не дружина князя, а его меньшие люди, слуги.

Отроки и детские выполняли различные поручения князя, действуя от его имени. Права занимать высокие государственные должности они не имели. Попытки князей сделать это наталкивались на жесткое сопротивление общества. Примером тому может служить судьба князей Ростиславичей, приглашенных в Ростово-Суздальскую землю после убийства Андрея Боголюбского. «*Седящема Ростиславичема в княженъи земля Ростовская, – говорится в летописи, – роздаяла бяста по городомъ посадничьство Руськимъ дедьцикимъ они же многу тяготу людем симъ створиша продажами и вирами*» [7, стб. 374]. Поведение Ростиславичей представлено здесь как нарушение принятых в обществе норм и законов, что должно было объяснить дальнейшие события, изложенные в летописи, – изгнание князей.

Источники предоставляют возможность увидеть настоящий состав княжеской дружины. В Повести временных лет под 987 годом читаем: «*...И созва князь боляры своя и старца. Речь Володимеръ се придоша послании нами мужи да слышимъ от нихъ бывшее и речь скажите пред дружиною...*» [7, стб. 108]. Здесь Владимир называет своей дружиной бояр и старцев градских, которых собрал, чтобы выслушать прибывших посланцев, ранее отправленных в разные земли с целью испытания вер. Под 996 годом дружиной названы бояре и гриди: сотские, десятские и нарочитые мужи [7, стб. 126]. Скорее всего, княжеская дружина в собственном смысле – это городская старшина (старейшие люди) – посадники, тысяцкие, сотские, десятские, которые вместе с князем принимали участие в управлении государством.

19.10.2009

Список использованной литературы:

1. Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов. М.: Наука, 1982. 328 с.
2. Горский, А.А. Дружина и генезис феодализма на Руси / А.А. Горский // Вопросы истории. 1984. №9. С.17 – 28.
3. Пресняков, А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь / А.Е. Пресняков. М.: Наука, 1993. 635 с.
4. Данилевский, И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) / И.Н. Данилевский. М.: Аспект Пресс, 2001. 339 с.
5. Колесов, В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В.В. Колесов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 326 с.
6. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
7. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
8. Поляков, А. Н. Образование древнерусской цивилизации / А. Н. Поляков // Вопросы истории. 2005. №3. С.72 – 89.
9. Повесть о жизни и о храбрости благоверного и великого князя Александра // «Изборник» (сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С.328 – 343.

10. Русская Правда // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова и О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1990. С.7 – 25.
11. Ключевский, В. О. Русская Правда / В. О. Ключевский // Соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т.7. С.84 – 99.
12. Черепнин, Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник / Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1969. 438 с.
13. Поляков, А. Н. В граде Игоре: Новгород-Северский в конце X – начале XIII веков / А. Н. Поляков. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2001. 150 с.
14. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
15. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
16. Янин, В. Л. Я послал тебе бересту / В. Л. Янин. М.: Языки русской культуры, 1998. 464 с.
17. Янин, В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. / В. Л. Янин, А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. 1999. №4. С.3 – 27.
18. Поляков А. Н. Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя / А. Н. Поляков // Вопросы истории. 2006. №9. С.67 – 86.

Поляков Александр Николаевич, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. (3532) 372572, e-mail – ir@mail.osu.ru

Polyakov A.N.

RETINUE IN ANCIENT RUSSIA

This article is devoted to the determination of the concept “retinue”, being mainly at Kiev period of the Russian history. On the base of wide circle of sources the author suggests his own view of this problem solution. In this work the retinue is regarded first of all as general form of organization of social core of Ancient Russian civilization.

Key words: Ancient Russia, retinue, prince, boyars, lads, children, deliberate husbands, community, verv.

Bibliography:

1. Sedov, VV Eastern Slavs in the VI-XIII cc. / VV Sedov. M.: Nauka, 1982. 328.
2. Gorsky, AA The brigade and the genesis of feudalism in Russia / AA Gorski // Questions of history. 1984. № 9. С.17 - 28.
3. Presnyakov, AE Princely right in ancient Russia. Lectures on Russian history. Kievan Rus / AE Presnyakov. M.: Nauka, 1993. 635 pp.
4. Danilevskiy, IN Ancient Russia eyes of contemporaries and descendants (IX-XII centuries). / IN Danilevsky. M.: Aspekt Press, 2001. 339 pp.
5. Kolesov, VV Ancient Rus: the legacy of the word. World Rights / VV Kolesov. St. Petersburg.: St. Petersburg State University Faculty of Philology, 2000. 326 pp.
6. PSRL. T. 2. Hypation Chronicle. Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. 648 pp.
7. PSRL. T. 1. Laurentian Chronicle. Moscow: Languages of Russian Culture, 1997. 496 pp.
8. Polyakov, A. Education ancient civilization / AN Polyakov // Questions of history. 2005. № 3. P.72 - 89.
9. Tale of life and the bravery of blagovernogo and Grand Duke Alexander // «Miscellany» (a collection of works of literature of ancient Russia). M., 1969. S.328 - 343.
10. Russian True // Reader on the history of State and Law of the USSR. Pre-October period / ed. P. Titov and O. Chistyakov. Moscow: Juridical Literature, 1990. С.7 - 25.
11. Kluhevsky, VO Russian True / Kliuchevsky // Op.: 9 v. Moscow: Mysl, 1989. Vol.7. Page 84 - 99.
12. Tcherepnin, LV Birch bark letter as a historical source / LV Tcherepnin. M.: Nauka, 1969. 438 pp.
13. Polyakov, AN In City Host: Novgorod-Seversky at the end of X - the beginning of the XIII century / AN Polyakov. St. Petersburg.: Faculty of History St. Petersburg State University, in 2001. 150 pp.
14. Zaliznyak, AA Old Novgorod dialect / AA Zaliznyak. Moscow: Languages of Slavonic Culture, 2004. 872 pp.
15. Greeks, BD Kievan Rus / BD Greeks. M.: Gospolitizdat, 1953. 568.
16. Janin, VL I sent you a bark / VL Janin. Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. 464 pp.
17. Janin, VL birchbark of the Novgorod excavations in 1998 / VL Janin, A. Zaliznyak: Problems of Linguistics. 1999. № 4. С3 - 27.
18. Polyakov AN Ancient Russian Civilization: the main features of the social order / AN Polyakov // Questions of history. 2006. № 9. S.67 - 86.